

С.128

Столяр М.Б.

К вопросу о некоторых архетипах православной культурологии

*Русская культура овевана духом православия
нередко даже против воли и сознания
(отец Василий Зеньковский)¹*

Вопрос о христианском подсознании культуры совершенно естественно вытекает из положения о христианском подсознании человека, о душе-христианке, в которой, несмотря на присутствие множества страстей, живет некое знание-совесть, имеющее совершенно определенную христианскую избирательность. Такая уверенность в данном случае опирается на опыт анализа собственного детского и юношеского сознания – сознания человека, выросшего в семье, где дети не слышали и не видели ничего такого, что имело бы непосредственный религиозный смысл. Тем не менее, подсознание каким-то неведомым путем выделяло и откладывало до поры до времени все мельчайшие крупички христианства, существующие в культуре в трансформированном или частичном виде. Пусть читатель простит мне излишнее внимание к собственной персоне, но, если разобраться по существу, то каждый культуролог в большей или меньшей степени фактически имеет дело с фактами *своего* сознания и подсознания.

Вот самый яркий пример активной деятельности христианского подсознания в моем личном опыте. Однажды, в далеком детстве, когда мне было от силы лет шесть, произошел совершенно непонятный для меня случай, который запечатлелся в душе настолько сильно, что малейшее воспоминание о нем вызывало необъяснимую и нестерпимую муку. А произошло следующее. Я взяла у старшей сестры без спроса ее игрушки и ушла в соседний двор. Во время игры эти игрушки едва не разбились. Когда я увидела, что они целы, вдох облегчения вырвался со словами: "Слава Богу!" (единственное упоминание о Боге в той культуре, к которой я тогда принадлежала,

С.129

было упоминанием "всуе"). Мои друзья, которые были меня старше на пару лет, стали громко смеяться и призывать в свидетели своего дедушку: "Дедушка, ха-ха-ха, она в Бога верит!" Соседский дедушка грозно насупил брови: "Ты что же это, в Бога веруешь?!" Я испугалась, но ответила совершенно искренне: "Нет, что Вы, ни в какого Бога я не верю". После этого играть мне расхотелось. Я собрала свои игрушки и ушла домой. С этими

детьми я не играла больше *никогда*. И помню совершенно четко, что причина заключалась не в обиде (обиды тогда очень быстро забывались), а в чем-то совершенно непонятном. *Меня мучило не только то, что они мне сказали, но и то, что я ответила им*. И мука эта длилась с некоторыми перерывами очень много лет. Действительно, это был какой-то вопль души – тягостный, непереносимый. Лишь после тридцати (!) лет, когда я крестилась и стала ходить в церковь, это страдание оставило меня.

Другой пример: из всего курса "научного" атеизма, который читался нам в Киевском университете, мое сознание, которое в религиозном плане было тогда совершенно "чистой доской", четко отобрало и закрепило информацию отнюдь не атеистическую. Но только в свете последующего церковного христианского опыта мне стала понятной эта *подсознательная избирательность сознания*.

Вот краткий список мыслей и чувств, оставшихся после этого курса.

Информация:

1. "Суеверие и христианская веры не совместимы". Вот это да! А я раньше думала, что это одно и то же.
2. "Люди, которые ходят в храм лишь для освящения воды, плодов и прочего – не являются по-настоящему верующими людьми". Опять открытие!
3. "Только те православные, которые регулярно исповедуются и причащаются, атеистами уже не станут. Их атеистическим воспитанием заниматься не только бесполезно, но и опасно. Не вы их переубедите, а они смогут вас обратить". Но почему?!

Впечатления:

1. Преподаватель что-то говорит-говорит, а колокола во Владимирском соборе как красиво звонят!
2. Атеизмом и научным коммунизмом можно заниматься только из карьеристских соображений.

Экзамен по атеизму я смогла сдать на "отлично", стыдно признаться, с Божьей помощью. "Господи, если Ты есть, - нагло взывала я тогда, идя от остановки автобуса к центральному корпусу университета, – помоги мне сдать этот экзамен". Вытянув свой билет, я увидела, что это тот единственный билет, который я могла рассказать просто блестяще (что-то там было по истории католической церкви). Профессор, принимавший экзамен, выслушал меня очень благосклонно и предложил идти к нему в аспирантуру. Помню, что я в этот момент почувствовала себя так, как будто мне предлагали продать свою душу. Откуда такое чувство в душе некрещеной девушки, воспитанной в нерелигиозной среде? Я постаралась изо всех сил, чтобы мой отказ прозвучал вежливо.

И, наконец, третье впечатление. Оно касается уже не только подсознания отдельного человека, но и культуры в целом в плоскости их пересечения. Я попыталась проанализировать содержание фрагментов различных книг, которые не только читала в детстве и юности, но и *перечитывала*, возвращаясь

к определенным местам и сценам. То, что я их перечитывала, свидетельствует о том, что содержание этих фрагментов соответствовало определенным потребностям души. Я не могла тогда объяснить, почему мне нравится перечитывать ту или иную главу. Кроме того, я не различала *энергетику*, лежащую в основе конкретного интереса. Но это многократное возвращение к прочитанному дало мне возможности до сегодняшнего дня *помнить* те акценты, которые проставляло мое подсознание. Амбивалентность этих выделений очевидна. *Одни* из них должны потешить популяризаторов фрейдистской философии. Это совершенно отчетливо страстные акценты подчиняющей душу телесности. Но есть среди них и такие, которые с фрейдистской позиции не объяснить.

Приведу конкретный пример. В моем детстве был довольно популярным научно-фантастический роман Г.Адамова "Тайна двух океанов". В этом романе рассказано о приключениях участников научной экспедиции на подводной лодке. Но из всех увлекательнейших приключений, произошедших с героями, в памяти не задержалось ни одно. Зато сцена, которая по замыслу автора отнюдь не является центральной или кульминационной, отложилась в памяти как сверхзначимая. *Речь идет о сцене "воскресения" одного из главных героев произведения.* Этот герой описан самыми яркими красками – он могуч телом и высок, он необыкновенно добродушен и мудр, к этому добавьте мужество, находчивость, способность к самопожертвованию ради спасения других. Именно он приходит на помощь другим членам экипажа, попавшим в беду. Один из его подвигов вообще с трудом поддается рациональному объяснению – налицо настоящее чудо (герою удается сдвинуть с места скалу, закрывшую выход из пещеры). И вот после всех подвигов неожиданно оказывается, что этот герой исчезает. Его начинают усиленно искать и, наконец, вспоминают, что могли забыть его в

С. 130

подводной *пещере*. Возвращаться поздно. Скорбь охватывает сердца всех участников экспедиции. Но проходит *три дня*, и наш герой появляется в кают-компании живой и невредимый как раз в тот момент, когда капитан произносит речь, посвященную памяти героя. "Громкое единодушное "Ох!" пронеслось по всему помещению. Двадцать человек, окаменев на мгновение, не сводили широко раскрытых глаз с этого видения. Затем все смешалось, и, опрокидывая стулья, отбрасывая мешавший стол, люди ринулись к Скворешне"². Оказывается, смертельно уставший герой просто-напросто уснул в выходной камере и *проспал богатырским сном ровно три дня*. Завершает эту сцену несколько комический эпизод поедания Скворешней содержимого буфета.

Сколько раз я перечитывала эту сцену! Мои родители недоумевали, почему я по десять раз читаю одно и то же вместо того, чтобы прочитать что-нибудь новое. Но насколько сейчас я могу это объяснить, сцена возвращения героя сыграла для меня ту же роль, что в иудейской культуре играет ветхозаветная история Иосифа и его братьев. *Это было предчувствие тайны*

Воскресения. Это было приобщение к неведомой и скрытой духовной энергии, которая каким-то образом присутствовала в данной истории.

Анализируя этот и другие подобные ему фрагменты из различных произведений, доступных детскому и юношескому пониманию, я пришла к выводу, что *самой мощной энергетикой обладают сцены, в которых совершенно отчетливо прочитываются темы Воскресения, Преображения, Небесного Жениха, Страшного суда и другие.*

Понятно, что такое открытие было сделано с позиций христианского церковного сознания. Однако я настаиваю на том, что христианское сознание не создает постфактум некую иллюзию присутствия христианских смыслов в жизни, но лишь высвечивает духовные корни того, что до поры было акцентировано неосознанно. Акцент был уже проставлен, но выбор еще не был сделан, смысл того, что отсеивалось и отбиралось был еще сокрыт. Кроме того, эти акценты даже в своей совокупности носили настолько фрагментарный характер, что совершенно невозможно говорить о некоем предчувствии христианства как некоей целостной реальности. Даже то, что между данными акцентами есть связь, - даже это было непонятно.

Подобное явление можно описать, опираясь и на данные чисто социологические. Недавно я провела опрос среди любителей телесериалов. Я попыталась выяснить у них, что же заставляет их включать телевизор, если после каждой серии они так бурно возмущаются игрой актеров, режиссурой, примитивным сюжетом и т.п. Речь шла о телесериале "Не родись красивой". И все опрошенные без исключения сказали мне, что они ждут - не дождутся, когда Катя Пушкарева станет, наконец, красавицей. Ради этого они и терпят все издевательства и унижения со стороны режиссера, который считает своих зрителей полными болванами. И тогда я подумала о том, насколько великим есть смысл *Преображения*, что даже в таком редуцированном и искаженном виде данный архетип притягивает к себе людей, и они соглашаются терпеть унижения ради того, чтобы дождаться самого обычного, чисто материального преобразования человека!

В современной культурологии тезис о взаимосвязи сознательного и бессознательного является аксиомой. В литературе утвердилась едва ли не однозначная связь понятия бессознательного с фрейдистской и неофрейдистской его интерпретациями, тогда как представляется, что на основе этого положения можно построить принципиально различные теории.

Фрейдизм исследовал лишь демоническую сторону бессознательного, раскрыл жесткий, аффектный по своей природе механизм навязывания сферой бессознательного определенных желаний и смыслов. Раскрытие механизма действия бессознательного при этом абстрагировалось от того фундаментальнейшего факта человеческого бытия, каковым является свобода. В данном случае происходит традиционное для философии отождествление свободного и сознательного.

Мы же исходим из того, что даже тогда, когда можно говорить о бессознательном вторжении в творчество некоторых архетипов, даже в этом случае не следует ограничивать свободу самоопределения личности, *духовная интуиция* которого способствует прорыву "протуберанцев" бессознательного *определенного содержательного спектра*.

В отличие от фрейдизма, православная концепция культуры признает наличие в подсознании отдельного человека и культуры не только агрессивных и страстных эгоистических импульсов, но и противоположных устремлений - жертвенности, покаяния и любви.

Такие представители православной культурологии и философии как православные священники и богословы В.Зеньковский и А.Шмеман исходят из *амбивалентного содержания бессознательного*, в котором

С.131

присутствуют одновременно христианское и демоническое начала. В этой связи хотелось бы напомнить слова отца Александра Шмемана, которые касаются понятия "христианского подсознания культуры". В духовной реальности современной культуры отец Александр Шмеман наряду с негативным аспектом - демоническим восстанием против Бога, выделяет и позитивный: "воплъ, идущий из ... христианского подсознания" культуры³. О современной культуре о. Александр говорит как о воистину *постхристианской культуре*, потому что в конечном счете даже наиболее секулярные, наиболее антирелигиозные и антихристианские идеи и идеологии, которые движут данную культуру, являются так или иначе "des verites chretiennes devenues folles" то есть "обезумевшими христианскими истинами", плодами секуляризованной эсхатологии⁴.

Если заслуга Юнга как представителя неофрейдизма заключается в том, что он открыл существование архетипов коллективного бессознательного, то ошибочность его взглядов мы полагаем в том, что он не отделил **энергетическое основание архетипа** от его демонических и культурных напластований, паразитирующих на энергии первосмысла.

С нашей точки зрения, нехристианские или демонические архетипы коллективного бессознательного не обладают самостоятельной ценностью, но паразитируют в культуре на энергии первообразов или христианских архетипов. (Понятия энергетическое основание архетипа, первообраз, христианский архетип рассматриваются нами как синонимичные).

С понятием "христианского подсознания человека" мы, также, связываем подсознательное действие определенного избирательного механизма, выделяющего христианские смыслы из материала культуры и очищающего их от наносных, нехристианских напластований. (К примеру, известно множество случаев, когда люди, читая Л. Толстого, который не был христианином, замечали и запоминали не то, о чем по сути писал этот автор, а то, что их христианское подсознание искало и жаждало узнать. Неканонически мыслящий Н. Бердяев обратил в каноническое православие множество людей опять же по тому же загадочному закону).

Если фрейдизм связывает существование подсознания с деятельностью мозга или головы (такую позицию можно назвать **кефалоцентризмом**, от греч.: κεφαλή – голова), то мы придерживаемся традиционной для отечественной философии и культурологии **кордоцентрической позиции**, согласно которой христианское (душа-христианка – Тертуллиан) и демоническое начала подсознания концентрируются не в мозгу, а в сердце человека.

Соответственно вводится понятие "**сердца культуры**" как такого духовного пространства человеческой жизнедеятельности, в котором происходит борьба демонического и христианского, в котором наряду с сознательной борьбой добра и зла происходит и подсознательное противостояние христианских и антихристианских смыслов.

Литература:

---

¹ Зеньковский В.В. Идея православной культуры //Православие: pro and contra. – СПб., 2001. – С. 258-278.

² Адамов Г.Б. Тайна двух океанов: Роман. – К., 1988. – 442 с.

³ Протопресвитер Александр Шмеман. Церковь и мир в православном сознании // Православие: pro and contra. – СПб., 2001. – С. 513.

⁴ См.: Там же, с. 512.